

РЕЦЕНЗИИ

МОЖНО ЛИ ВОЙТИ В ОДНУ РЕКУ ДВАЖДЫ?
Рецензия на книгу: Norkus Z. (2023) *The Great Restoration: Post-Communist Transformations from the Viewpoint of Comparative Historical Sociology of Restorations*. Leiden; Boston: Brill. ISBN 978-90-04-54573-1

Наталья Дамировна Трегубова (n.tregubova@spbu.ru),
Валентин Сергеевич Стариков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Трегубова Н.Д., Стариков В.С. (2024) Можно ли войти в одну реку дважды? Рецензия на книгу: Norkus Z. (2023) *The Great Restoration: Post-Communist Transformations from the Viewpoint of Comparative Historical Sociology of Restorations*. Leiden; Boston: Brill. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 250–261. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.9>. EDN: IOMSMO

Аннотация. Анализируется монография литовского социолога З. Норкуса «Великая реставрация: посткоммунистические трансформации с позиций сравнительной исторической социологии реставраций», которая предлагает концептуальную модель реставрации исторического процесса, следующего за революцией, и затем прилагает эту модель к анализу великих реставраций, последовавших за падением наполеоновской империи и распадом СССР. Ключевой тезис монографии состоит в том, что великие революции заканчиваются великими реставрациями, которые воплощают революционные идеалы в жизнь лучше, чем сами революции. Авторы обосновывают актуальность проблематики реставраций для современного общества, выделяют основные идеи монографии, обсуждают ее концептуальную новизну и методологические находки. Выделяя сильные и слабые стороны сравнительно-исторического исследования, представленного в книге З. Норкуса, авторы проводят параллели между данным исследованием и классическим анализом социальных революций Т. Скочпол. Рецензия завершается выводом о том, что монография З. Норкуса открывает новую проблемную область в сравнительно-исторической макросоциологии — «социологию реставраций».

Ключевые слова: сравнительно-исторический анализ, сравнительно-историческая макросоциология, посткоммунистические трансформации, реставрация, сравнительная социальная аналитика.

Современный период европейской истории, особенно его последнее десятилетие, сложно назвать стабильным (resilient) или устойчивым (sustainable), еще менее уместным кажется возможность применения к нему термин «прогнозируемость» (predictability). Вместе с тем заимствованные когда-то в обществоведческий дискурс из вроде бы чуждых дисциплин термины «восстанавливаемость» (recoverability), «ударопрочность» (resistance), «сопротивляемость» (defiance) и даже классическое понятие «общества судьбы» обретают новое, порой нарочито политико-фаталистическое звучание.

В 2023 г. в издательстве Brill вышла монография известного литовского философа и социолога Зенонаса Норкуса, в которой предлагается альтернативный вариант концептуального осмысления текущих социально-политических и социально-экономических процессов. Название этой книги можно перевести как «Великая реставрация: посткоммунистические трансформации с позиций сравнительной исторической социологии реставраций». «Реставрация» здесь употребляется в том смысле, в каком ее понимают историки — как восстановление политического, экономического, социального строя после радикальных (революционных) преобразований. Автор монографии может быть знаком российскому читателю по работе, посвященной качественному анализу постсоветских трансформаций (Norkus 2012; Резаев, Стариков 2014). Если прошлая книга З. Норкуса рассматривала причины и последствия «выхода» из коммунизма, то настоящая содержит анализ того, что происходит со странами после такого выхода — реставрации общественного строя, предшествовавшего революции.

Основной тезис рецензируемой монографии можно сформулировать следующим образом: великая революция заканчивается великой реставрацией, которая воплощает декларируемые революционные идеалы в жизнь лучше, чем сама революция. Выдвигая данный тезис, З. Норкус спорит с представлением о реставрации как о периоде упадка и регресса, укоренившемся как в обыденных представлениях людей, так и в работах историков. Отталкиваясь от отрицательного образа реставрации, автор утверждает (и демонстрирует), что успешные реставрации существуют.

Реставрация понимается З. Норкусом как завершающий этап социальных изменений, когда в ходе революционных преобразований исходная социальная система А сменяется промежуточной системой В, а та, в свою очередь, сменяется новой системой С, которая восстанавливает (в глазах участников происходящих изменений) исходную социальную систему А (Norkus 2023: 1). Такое понимание реставрации автор заимствует у австро-американского историка Роберта А. Канна, однако, в отличие от него,

ограничивается анализом современных революций, а конкретнее — перерабатывает теорию Канна для анализа посткоммунистических преобразований в Балтийском регионе. По мысли литовского социолога, до Нового времени коренные преобразования в обществе не рассматривались как революции: то, что мы сегодня называем «революцией» (включая Английскую революцию XVII в.), понималось непосредственными участниками как восстановление справедливого порядка, существовавшего прежде. Соответственно и реставраций в современном смысле слова тогда быть не могло.

В рецензируемой монографии интерес автора направлен на «великие реставрации», которым предшествовали «великие революции». Масштаб революции, по мысли автора, определяется двумя обстоятельствами. Первое — революционеры стремятся воплотить новые универсальные представления о социальной справедливости; второе — страна, в которой революция победила, какое-то время успешно ведет революционные войны, что позволяет распространить новый порядок на другие страны (Norkus 2023: 7–8). Из второго обстоятельства следует, что страна, в которой произошла революция, становится империей. Под такое понимание «великой революции» с необходимой строгостью подходят лишь два исторических события — Великая Французская революция (и тогда под «революционными войнами» следует понимать наполеоновские войны) и Великая Октябрьская революция (здесь революционные войны — это войны, которые вел СССР)¹.

Реставрации, следовавшие за этими революциями, и становятся объектом сравнения в исследовании З. Норкуса. Автор выделяет два типа реставраций — то, что по-русски можно назвать собственно реставрацией (token restoration), и реконструкцию (type restoration). Первое предполагает восстановление того же самого государства, что было до революции, второе — возникновение нового государства того же типа (подобия).

---

¹ Автор справедливо указывает, что данные революции по природе своей носят различный характер. Французская революция была антифеодальной и рассматривала абсолютную монархию как воплощение зла, а потому декларировала политические свободы и равенство, укорененные в демократической республике. Французская революция 1789 г. не смогла реализовать это обещание, что привело к реставрации монархии. Октябрьская революция оказывается социально-экономической по своей природе, так как направлена (декларируемо) на ускорение экономического и социального прогресса после отмены частной собственности на средства производства. Автор отмечает, что в советских книгах по истории балтийских стран четко выделяется образ экономического застоя при «буржуазной диктатуре» в период межвоенной независимости в противовес беспрецедентному экономическому и социальному прогрессу при социализме (Norkus 2023: 270).

Возможность собственно реставрации З. Норкус определяет исходя из двух критериев. Во-первых, нужно, чтобы были живы представители тех поколений, которые жили при старом режиме. Во-вторых, люди, осуществляющие реставрацию, должны захотеть восстановить то самое государство с вытекающими отсюда правовыми последствиями, такими как возвращение собственности бывшим владельцам. Согласно данной типологии, в странах Балтии после распада СССР произошла реставрация государств, которые существовали в 1930-е годы, в России — реконструкция того, что было до 1917 г.

З. Норкус сравнивает великие реставрации по тому, насколько они успешны, а успешность, в свою очередь, определяется по двум критериям — длительности («пережила» ли восстановленная социальная система С систему В и/или систему А) и по жизнеспособности (resilience). Последняя измеряется тремя показателями: экономический рост, увеличение продолжительности жизни и общее увеличение благосостояния, которое фиксируется через динамику среднего роста населения (economic, health and somatic progress). Так, большинство постнаполеоновских реставраций были кратковременными, поскольку не смогли превзойти дореволюционный и постреволюционный период в экономическом и социальном отношении. Для оценки влияния реставраций на международные отношения автор вводит еще один критерий — усиление/ослабление мира и безопасности после распада революционной империи. На эмпирическом уровне автор задействует различные источники, а также адаптирует уже существующие базы данных и индексы для формирования обобщенной модели сравнительного исследования реставраций.

Анализ исторических данных позволяет Норкусу сделать вывод, что реставрации, следующие за великими революциями, в целом оказываются успешными. При этом собственно реставрации оказываются более успешными, чем реконструкции¹. Укажем на некоторые выводы, которые автор формулирует в виде тезисов-критериев.

Во-первых, критерий успешности реставрации демократии (criterion of democracy restoration performance success) звучит следующим образом: реставрированная демократия считается успешной, если значения показателей совещательной, эгалитарной, избирательной, либеральной и пар-

---

¹ Отметим, что в резюмирующей части монографии Норкус приводит довольно многочисленные ограничения на результаты исследования. Связаны они, в частности, с тем, что пробелы в данных и относительно малый срок, прошедший со времени распада СССР, не позволяют быть категоричным в формулировке окончательных выводов.

тиципаторной демократии в условиях восстановленной демократии превосходят показатели первоначального (демократического) режима (Norkus 2023: 273).

Во-вторых, критерий успешности восстановления/восстанавливаемости международного порядка (criterion of the rehabilitation of international order performance success): реставрированная конфигурация международного порядка С считается успешной, если она является более мирной и безопасной для государств-членов, чем промежуточная конфигурация В или первоначальная конфигурация А (Norkus 2023: 274).

В-третьих, критерий устойчивости реставрации (criterion of restoration resilience): успешно реставрированная социальная система более стабильна по сравнению с первоначальной системой как в смысле ее способности к быстрому восстановлению после потрясений, так и в смысле ее меньшей уязвимости к системным изменениям, что приводит ее к альтернативному равновесию (Norkus 2023: 277).

Реставрация стран Балтии рассматривается З. Норкусом как «лабораторный пример» современной социальной реставрации второй волны, поскольку она включает в себя тройное восстановление: национального государства, капитализма и демократии. Особое внимание в монографии З. Норкуса уделяется оценки эффективности трех балтийских реставраций путем сравнения экономического и социального прогресса стран Балтии в периоды первоначальной независимости (1918–1940), «навязанного государственного социализма / оккупации»¹ (1940–1990) и восстановленной независимости (с 1990). Далее разрабатываются критерии для оценки конечного успеха реставрации, согласно которым старые-новые балтийские государства *должны* просуществовать дольше, чем их предки в 1918–1940 и в 1940–1990 гг. Помимо этого, З. Норкус, будучи экспертом в области исторической социологии, использует обширные историко-статистические данные не только для анализа уже произошедших / происходящих трансформаций в трех странах, но и создания (пускай приблизительных) прогнозов на (пускай не столь отдаленное) будущее².

В заключение автор побуждает задуматься над тем, какой будет следующая великая революция (и реставрация), если она будет (if it comes).

---

¹ Терминология З. Норкуса.

² Автор использует термин «кульминационное общество» (climacteric society) для обозначения гипотетического, но *ceteris paribus* не очень отдаленного во времени этапа после предполагаемого завершения реставрации. Начало этого этапа/эпохи для Латвии, Литвы и Эстонии варьируется, но в целом определяется 2040-ми годами.

Он предлагает *вариант* революции, связанной с экологическим кризисом, побуждающим человечество к определению новых постгуманистических идеалов справедливости. Тогда, заключает З. Норкус, можно ожидать, что воплощение этих новых идеалов принесет гуманистическая реставрация, ведь реставрации выполнят программы революций лучше, чем сами революции (Norkus 2023: 364–365).

Мы полагаем, что рецензируемая монография заслуживает особого внимания читателя, заинтересованного в объяснении и понимании современных социально-исторических процессов. На это есть три причины.

Первая причина — концептуальная новизна. Если в прошлой книге З. Норкуса новизна и оригинальность определялись прежде всего методологическим дизайном (Резаев, Стариков 2014), то в новой работе она касается теоретического аппарата. Для того чтобы сформулировать и эмпирически интерпретировать концепцию реставрации, З. Норкус соединяет достижения сравнительно-исторической социологии, сравнительной политологии, истории и международного права с подходами, принятыми в сфере сохранения культурного и природного наследия. Концептуальный интерес автора к реставрации связан еще и с особым значением стран Балтии для анализа данной проблематики. Согласно З. Норкусу, Эстония, Латвия и Литва являются наиболее наглядными (парадигмальными) случаями реставраций (Norkus 2023: 5) в том же смысле, в каком Швеция представляет парадигмальный пример государства всеобщего благосостояния, Германия — пример наиболее развитой (веберовской) бюрократии, а США — плюралистической демократии (Эспинг-Андерсен 2008).

Вторая причина — это четко выстроенный дизайн исследования. Автор, с одной стороны, организует и проводит сравнительно-исторический анализ двух волн реставраций, последовавших за двумя великими революциями, с другой стороны — сравнивает эти реставрации между собой. Методическая тщательность и общая позитивистская направленность, стремление найти корректный показатель для каждой переменной в настоящей работе даже более очевидны, чем в прошлой монографии З. Норкуса. Исследования такого рода — редкость в современной социальной аналитике, и рецензируемая монография представляет в этом отношении пример, на который можно равняться.

Наконец, третья причина — это актуальное содержание: Книга посвящена в том числе новейшей истории России, а значит, в первую очередь истории людей, которые населяют РФ и постсоветское пространство. Для отечественного читателя наиболее интересными (и спорными) будут моменты, связанные с обсуждением статуса стран Балтии как непосредственных преемников государств, существовавших до Второй мировой

войны. Автор в данном случае производит неокантинскую идею соотнесения с ценностью, равно как и демонстрирует собственные политические убеждения¹. Интересна его заочная полемика с (пост)советскими историками и социологами по поводу самого представления о том, в каких терминах следует описывать трансформационные изменения стран Балтии. Как пишет З. Норкус, «согласно [обобщенному] российскому взгляду на современные балтийские государства, их символическая связь с балтийскими государствами межвоенного [досоветского] периода является реконструкцией (type restoration), где межвоенные и современные балтийские государства мыслятся как разные государства» (Norkus 2023: 266), в то время как [обобщенный] «балтийский» взгляд фактически ставит символический знак равенства между межвоенными и современными государствами. В последнем случае речь идет уже о реставрации, и за всей кажущейся схоластичностью подобная дискуссия имеет очень практическое политическое значение. «Балтийский взгляд» (как его описывает автор) на символическую связь между досоветскими и современными балтийскими государствами обосновывает их отказ в гражданских правах определенным иммигрантам, равно как и легитимирует требования реституции в соответствии с мирными договорами, подписанными с давно не существующим государством Советская Россия в 1920-х годах. Логическим продолжением мысли автора, которую он, собственно, озвучивает, выступает, в частности, необходимость² определять как «неграждан» тех жителей балтийских республик, которые приехали туда в советское время (Norkus 2023: 71–72)³. А не всегда мягкие «упреки» россиянам,

---

¹ Важность ценностных/политических установок для постановки исследовательской проблемы вытекает уже из сквозного авторского тезиса: цель современного социальной реставрации — обезопасить восстановленные общества от повторения революции.

² Следует отдать должное, что автор указывает на академическую актуальность подобной ситуации: «Именно эти особенности [*restoratio ad integrum* через дискриминационную политику] делают их парадигмальными либо идеальными типическими примерами современных реставраций (Norkus 2023: 273).

³ В этом смысле высказывание автора: «Конечно, в этой дискуссии я поддерживаю своих балтийских соотечественников, потому что моя цель — разъяснить смысл тезиса о том, что преемственность и идентичность между межвоенными и современными балтийскими государствами не является простой юридической фикцией» (Norkus 2023: 267) — следует рассматривать в качестве приглашения к проведению собственной интерпретации дискурсов и данных, предложенных в книге. Всякое (спорное) высказывание может и должно являться пространством формирования цивилизованной публичной сферы. Рецензенты уверены, что автор призывает именно к подобной дискуссии.

которые, по мысли автора, во время распада СССР хотели рационализировать два дискурса — сохранить империю и построить новое демократическое государство (Norkus 2023: 141–142)¹, побуждают еще раз задуматься о развилках нашей собственной истории.

В организации и обосновании исследования, представленного в рассматриваемой монографии, З. Норкус вдохновляется традицией сравнительно-исторической социологии в более позитивистском ее варианте. Если в прошлой книге автор опирался на качественный сравнительный анализ Чарльза Рагина, то сейчас ведет диалог с другим классиком для сравнительно-исторической социологии исследованием — анализом социальных революций Теда Скочпол (2017). Достоинства книг Т. Скочпол и З. Норкуса сходны: ясность изложения, четкая структура, определение новых концепций на основании анализа предшествующей (весьма разнородной) литературы. По сути, оба автора предлагают увидеть новые возможности для постановки исследовательских проблем, которых раньше не видели социальные ученые. В случае Скочпол это возможность анализа социальных революций как таковых, а не как представителя более широкого класса — социальных движений или политических трансформаций. В случае Норкуса это возможность осмыслить и исследовать реставрации, которые приходят вслед за революциями, уже хорошо изученными к настоящему времени благодаря исследованиям Т. Скочпол, ее последователей и критиков.

Недостатки монографии З. Норкуса оказываются, как это часто бывает с хорошими исследованиями, оборотной стороной ее достоинств. Прежде всего, это некоторая нечувствительность (невнимание) к специфике конкретной исторической реальности, в определенном смысле излишне формализованный подход к операционализации и смещение в сторону того, чтобы использовать одинаковые показатели для разных случаев². Так, даже для сравнения великих реставраций (французская и балтийская), разделенных веками, З. Норкус использует одинаковые показатели (хотя для анализа вторых он добавляет дополнительные показатели). Некоторые способы измерения кажутся произвольными. Например, основываясь на анализе кейса Латвии, автор устанавливает критерий «семи процентов» — именно такая доля населения старше 15 лет, проживавших при старом порядке, должна быть жива к моменту реставрации, чтобы можно было говорить о буквальной реставрации этого порядка. Почему универсальный

---

¹ Можно соотнести данные положения с дискурсом по поводу субъектности в палестино-израильском конфликте 2024 г.

² Обсуждение последней проблемы см.: (Smelser 2003).

показатель устанавливается на основании данных одной страны? Почему семь, а не шесть или восемь процентов? Подобные вопросы возникают и в отношении некоторых других показателей.

Другая проблема — это растягивание терминологических границ. Понятно, в каком смысле можно говорить о реставрации применительно к странам Балтии. Понятно, в каком смысле можно о ней говорить применительно к России, где до 1917 г. были и капитализм, и демократия. Но имеет ли это смысл в отношении стран Средней Азии? Да, они входили в состав Российской империи, но и капитализм, и демократическое устройство существовали там в лучшем случае в зачаточном виде. Поэтому говорить о восстановлении здесь в 1990-е годы старого порядка сложно. Для прояснения этого обстоятельства автор вводит еще один термин — «реабилитация» (rehabilitation) (Norkus 2023: 18–19): реабилитация, но не реставрация, имеет место, когда государство, чтобы повысить благосостояние населения, вводит политическое и/или экономическое устройство, которое не существовало во времена старого порядка. Реставрация в рецензируемой монографии предстает как один из видов реабилитации, когда восстанавливается тот самый порядок, который был до революции. Однако представляется, что мы имеем дело с двумя качественно разными явлениями. Реабилитация, которая не является реставрацией, оказывается гораздо ближе к реформам, которые проводят многие новые государства после распада колониальных империй в XX в. В то же время рецензируемая монография отстраивает специфику реставраций как особого социального феномена. В этом смысле остается не вполне понятно, насколько вообще уместно сравнивать данные явления под таким углом зрения.

Но наиболее важной представляется теоретическая проблема. Спросим, перефразируя профессора Преображенского: где происходит реставрация — на улицах или в головах? Иногда аргументация книги выстроена так, что ключевым оказывается стремление людей возродить то самое государство, в котором они (или их предки) жили. Иногда ключевым оказываются объективные характеристики — восстановление прав собственности и политических институтов. При этом автор подчеркивает: успешная реставрация предполагает создание улучшенной (а значит, новой) версии старого порядка (Norkus 2023: 30).

Иными словами, нельзя войти в одну реку дважды. Почему? Как минимум, потому что прошло время (сам автор уделяет этому атрибуту пристальное внимание в этой и других своих работах), и за это время, которое следует понимать как среду, а не ресурс для завершения трансформации, с тем государством, которое было бы, если бы не было революции, что-то бы произошло. Так, страны Балтии, восстанавливая

те государства, которые существовали до Второй мировой войны, не стремились уничтожить заводы, больницы и университеты, созданные в советский период истории. Не стремились, потому что предполагали: такие же и даже лучшие учреждения были бы созданы, поскольку государства с неизбежностью продолжили бы индустриализацию и развитие государства всеобщего благосостояния и без прихода советской власти.

И здесь возникает очень тонкий момент: коллективное воображаемое проникает в политико-правовую сферу. Почему построенные в «период оккупации» советские заводы, больницы и университеты сохраняются, при том что советские граждане превращаются в неграждан? Понятно, насколько дискурсивно многообразно можно ответить на этот вопрос, но само возникновение вопроса утверждает, что никакого восстановления в буквальном смысле слова не бывает. Что-то восстанавливается, что-то трансформируется, что-то сохраняется¹.

Из этого, разумеется, не следует, что понятие реставрации несостоятельно, а работа, проделанная автором, не имеет смысла — совсем наоборот. Однако из этого следует, что реставрация — сложный и исторически специфичный процесс, который будет отличаться от государства к государству в том, каково коллективное воображение о прошлом (в том числе о гипотетическом прошлом) и как сочетаются между собой восстановленные, трансформированные и сохраненные элементы старого порядка и революционной империи. Универсальные термины, в которых описывает реставрации З. Норкус, лишь в некотором (порой кажется политически намеренно в довольно «усеченном» виде) могут ухватить эту специфику. А это значит, что перед нами книга, которая открывает новую проблемную область и ставит новые вопросы для сравнительной социальной аналитики.

Напоследок хотелось бы вернуться к тезису, с которого мы начинали, — о неустойчивости, нестабильности и трудной прогнозируемости текущей исторической ситуации. Ключевое преимущество методологии, представленной в исследовании З. Норкуса, состоит в том, что в анализе социально-политических конфликтов она позволяет ограничиваться мысленными экспериментами, не доводя их до слишком «естественной» экспериментальной ситуации. И хотя бы поэтому данную работу стоит

---

¹ Автор сам указывает на в некоторой степени случайный («конstellационный») характер каузальных процессов, когда пишет, например: «Если бы Балтийские реставрации состоялись в 2040 или 2050 г., то они представляли собой реконструкции (type restorations), не предполагающие преемственности между первоначальным и восстановленным состояниями» (Norokus 2023: 276).

прочесть не только «широкому кругу социологов, социальных демографов, политологов и экономистов, изучающих Балтийский регион» (как это указано в аннотации к книге), но и всем, кто желает, чтобы наш мир стал чуть более «отреставрированным», т.е. устойчивым, стабильным и спокойным.

Литература/References

Резаев А.В., Стариков В.С. (2014) Качественный сравнительный анализ постсоветских трансформаций. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 17(2): 206–213.

Rezaev A.V., Starikov V.S. (2014) Kachestvennyy sravnitel'nyy analiz postsovet-skikh transformatsiy [Qualitative comparative analysis of post-Soviet transformations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 17 (2): 206–213 (in Russian).

Скочпол Т. (2017) *Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Skocpol T. (2017) *Gosudarstva i sotsial'nyye revolyutsii: sravnitel'nyy analiz Frantsii, Rossii i Kitaya* [States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara (in Russian).

Эспинг-Андерсен Г. (2008) Два общества, одна социология и никакой теории. *Журнал исследований социальной политики*, 6 (2): 241–266.

Esping-Andersen G. (2008) Dva obshchestva, odna sotsiologiya i nikakoy teorii [Two societies, one sociology and no theory]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 6(2): 241–266 (in Russian).

Norkus Z. (2012) *On Baltic Slovenia and Adriatic Lithuania. A Qualitative Comparative Analysis of Patterns in Post-Communist Transformation*. Apostrofa, CEU Press.

Norkus Z. (2023) *The Great Restoration: Post-Communist Transformations from the Viewpoint of Comparative Historical Sociology of Restorations*. Leiden; Boston: Brill.

Smelser N. (2003) On Comparative Analysis, Interdisciplinary and Internationalization in Sociology. *International Sociology*, 18(4): 643–657.

**IS IT POSSIBLE TO STEP INTO THE SAME RIVER TWICE?
Book review: Norkus Z. The Great Restoration: Post-Communist
Transformations from the Viewpoint of Comparative Historical
Sociology of Restorations. Leiden; Boston: Brill, 2023.**

Natalia D. Tregubova (n.tregubova@spbu.ru),
Valentin S. Starikov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Tregubova N.D., Starikov V.S. (2024) Is it possible to step into the same river twice? Book review: Norkus Z. The Great Restoration: Post-Communist Transformations from the Viewpoint of Comparative Historical Sociology of Restorations. Leiden; Boston: Brill, 2023. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 250–261 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.9>. EDN: IOMSM D